

Записки придворного бриллианщика Позье

Путешествие Позье с сыновьями из Женевы через Петербург в Москву. – Переезд Позье в Архангельск. – Возврат в Москву. Смерть отца Иеремии Позье.

1729-1731 г.

Был 1729 год, когда отец мой Этьен Позье, родившийся в Клераке, решился, по настоянию брата своего Пьера Позье, состоявшего хирургом при дворе русского императора Петра I, уехать из Женевы, где он проживал с женой своей Сюзанной Буверо, от которой имел шестерых детей. Незначительность состояния утвердила его в этом намерении. Он взял с собою старшего брата моего Филиберта и меня, которому было в то время не более десяти лет, а в Женеве оставил трёх моих сестёр и третьего брата. Отправились мы пешком, с небольшим скарбом и немногими деньгами и прошли, таким образом, всю Швейцарию, Эльзас и Вестфалию. Придя в Амстердам, лишённые всего, претерпев все ужасы нищеты и ненастья холодной зимы, мы там встретили г. Дютель Бергри, земляка отца моего; он доставил ему средства добраться до Гамбурга; но мы не решались отправиться туда морем вследствие противных ветров, а состояние нашего кармана не позволяло нам долее оставаться в Амстердаме, поэтому мы отправились в Гамбург пешком. Дойдя до берегов Эльбы, мы нашли её замерзшей, что принудило нас провести пять дней в маленькой деревушке, где отцу нашему пришлось оставить наши пожитки, потому что ему не было чем заплатить за наши расходы, а деньги предстояло получить только в Гамбурге, куда брат ему должен был выслать. Едва прибыли мы в этот город, отец мой опасно заболел, что задержало нас целых шесть месяцев и истощило небольшие средства, которые мы имели. Отец мой принуждён был написать к другому своему брату в Клерак и просить его прислать ему какое-нибудь пособие, чтобы дать нам возможность уплатить долги и продолжать наше путешествие в Россию. Но надо было случиться так, что у того брата только что погибли у берегов Англии три корабля, нагруженные его товарами, вследствие чего он не имел возможности помочь нам и едва мог прислать нам столько, чтобы мы могли расплатиться с долгами. Мы сели на маленькое судно, которое г. Де-Бергри на свой счёт посылал в Петербург. Отец мой решился отдать брата моего Филиберта в Гамбург на ученье г-ну Дюма – ножевщику. Разлука эта была крайне тяжела для меня, так как я привык с ним переносить лишения и нужду; мы расстались, исполненные сильнейшего горя. Бедный брат не спускал глаз с нашего корабля, пока мы не исчезли из виду; несчастный отец мой, который был не менее меня огорчён этой разлукой, употребил все усилия, чтобы утешить меня.

Мы пробыли на море шесть недель, причём не обошлось без бурь, от которых, однако, благодаря Провидению, мы не погибли и, наконец, в августе прибыли в С.-Петербург в самом жалком положении и без копейки денег. В довершение всего, отец мой не застал там своего брата, который был в Москве при дворе, т.е. в двухстах лье расстояния. В эту критическую минуту он обратился к некоему Дюбюиссону, французу, который содержал гостиницу и знал его брата. Этот господин продержал нас у себя в течение двух недель, после которых отец мой, оправившись с дороги, решился продолжать путь до Москвы, чтобы там пристать к дяде. Для этого пришлось ему прибегнуть к помощи одного знакомого, от которого с большим трудом достал он займы десять экю, чего едва достаточно было для такого дальнего путешествия, так что нам пришлось сложить наши скудные пожитки в маленькую тележку, которая отправлялась в Москву с вином, а самим пешком идти за русским извозчиком, с которым мы могли объясняться только знаками, и питаться всю дорогу только хлебом и молоком и часто спать под открытым небом, где нас заедали комары, которых там множество, потому что там местность болотистая; были сильная жара, какая обыкновенно бывает в России летом. Почти непостижимо, каким образом отец мой и я могли перенести всё, что пришлось терпеть в эти шесть недель, но, наконец, мы дошли до Москвы, где надеялись отдохнуть от всех наших бед. Но Провидение распорядилось иначе. На наше несчастье, мы пришли в эту столицу в то время, когда половина её погибла в пожаре. Мы сами прошли восемь вёрст местностью, опустошённой пожаром, разыскивая место, где некогда находился дом моего дяди, тоже сгоревший до тла; дяде не удалось ничего спасти, и он должен был сам выскочить из постели и спастись в окно со всем семейством. В таком-то печальном положении мы застали того, от которого ждали себе помощи и облегчения всех бед, претерпенных нами в это безконечное путешествие. Насилу у него нашлась квартира, где поместиться, и большие господа присылали ему дрова. Мы пробыли с ним шесть месяцев, тогда отец мой, не желая быть в тягость брату, и, встретившись в Москве с одним знакомым своим, бригадиром Роланом, которому императрица Анна только что вверила за его долгую службу начальство над Архангельском, решился, по его совету, отправиться с ним. Бригадир жил один, был преклонных лет, и обещал отцу моему все удобства, какия сам мог доставить себе в подобном захолустье. Он захотел, чтобы отец взял меня с собой, чтобы определил меня в военную службу, в которую и отдали меня с чином сержанта в Вологодском полку, обещая повышать меня впоследствии, по мере того, как будут прибавляться мои годы, так как мне в то время было одиннадцать лет. Мы вместе с ним выехали из Москвы, в июне месяце 1729 года, в Архангельск, куда ехали четыре недели, хотя совершали путешествие в экипаже. Путешествие это было довольно трудное до Вологды, где мы сели на барку и поплыли по реке, называемой Двиною. Это плавание, хотя не особенно опасное, было весьма тяжело, вследствие жары и комаров, от которых не

было отбою, несмотря на то, что постоянно заставляли драгунов, служивших в конвое коменданта, курить и жечь дрова на барке.

Кроме того, я чуть не погиб по милости собственной неосторожности: пользуясь минутой, когда, изнемогая от жары, все наши люди спали, в полдень, а барка наша плыла по реке чрезвычайно тихо, – я увидел множество диких утят, плывших по воде. В уверенности, что с помощью маленькой лодки, прикреплённой к нашей барке, легко будет загнать их на берег, и изловить сколько мне захочется, я спустился в лодку, отвязал её и, согласно с задуманным планом, погрёб за утятами, в полной надежде догнать барку, но я сильно ошибся в расчёте. Утки ныряли по мере того, как я за ними гнался, и уплывали не к берегу, а совсем в другую сторону, так что я, выбившись из сил, принуждён был причалить к берегу, чтобы отдохнуть. Едва присел я, как заметил, что наша барка совсем ушла из виду и чувствуя, что я уже не в силах грести, и что наши люди не могли отыскать меня и выручить, потому что у них не было лодки, я остался на берегу, где был очень густой лес, на расстоянии вёрст 25-ти от деревни, как впоследствии сказали мне наши люди, которые выручили меня тем, что в рупор приказали мужикам, чтобы они на лодке отправились за мной. Было уже за полночь, когда им удалось добраться вверх по течению к тому месту, где я остался. Наконец, я услышал шум вёсел и начал кричать изо всех сил, что помогло им выйти на берег в том самом месте, где они меня слышали, к величайшей радости, так как я каждую минуту ожидал, что меня съедят медведи, которых в этом лесу водилось множество, по рассказам мужиков, хозяев лодки, отправленных за мной. Великой радостью было для меня, когда я услышал голоса наших драгунов. Я в самом жалком состоянии двенадцать часов пробыл, не евши, в страхе и трепете. Бедный отец мой был в такой горе, что не имел сил сказать мне ни одного слова, когда меня привезли.

Наконец, мы прибыли в Архангельск с комендантом; все офицеры вышли его встречать. Для коменданта Ролана был приготовлен большой деревянный дом, потому что во всём городе каменных зданий были только губернаторский дом и магазины, куда складывались товары. Улицы вымощены бревнами, потому что почти весь город стоит на болоте. Пять месяцев прожили мы после нашего прибытия в этот город, где коменданта Ролана очень любили иностранные негоцианты, поселившиеся там, а также и губернатор, князь Мещерский. Последний до того заставлял Ролана пить, что я однажды видел, как его вынесли из кареты его слуги и положили в постель, с которой он уже не встал, так как на следующий день начал харкать кровью. Отец мой, когда увидел его в таком печальном положении, уговорил его сделать духовное завещание в пользу его племянника Де-Кло, драгунского капитана, единственного оставшагося члена его семейства, которого он не любил за то, что тот женился против его воли. Отец мой, однако, убедил Ролана сделать завещание в пользу Де-Кло, опасаясь, чтобы

казна не завладела, по тамошнему обычаю, его состоянием по неявке родственников. Он завещал отцу моему сумму в 400 рублей. Отец мой написал к Де-Кло, стоявшему в двухстах лье с полком, чтобы он приехал как можно скорее в Архангельск получить наследство от дяди, который умер восемь дней после того, как слёг в постель. Смерть его была ужасным ударом для отца моего и для меня. Мы остались одни в этом захолустье, с десятком крепостных слуг, с которыми не могли объясняться; и это продолжалось шесть месяцев, пока г. Де-Кло не приехал выручить нас. Он нас отвёз в Москву, к моему дяде, который с трудом добился, чтобы меня выписали из полка, куда определил меня покойный бригадир.

Тотчас по прибытии нашем в Москву, отца моего, сильно пострадавшего в последнем путешествии, совершённом зимой, пришлось перенести из саней прямо в постель, с которой он перелёг прямо в могилу. С ним сделалась водянка, сверх того, что он и так был измучен всеми вынесенными им бедами и лишениями. В таком положении пробыл он два месяца, пока не угодно было Богу избавить его от страданий смертью.

Я ухаживал за ним, насколько по молодости мог. Дядя мой тоже не оставлял его своими попечениями, и сделал всё, что было в его силах, чтобы облегчить его страдания. Отец мой ещё имел радость узнать перед смертью от дяди, что писал в Петербург одному из своих приятелей, по имени Граверо, искусному гранильщику, родом из Парижа, и что этот господин согласен взять меня на семь лет в ученье. Это и было решено в тот самый день, как получилось это известие, в десять часов вечера, когда я обыкновенно читал молитвы у постели отца. Он, вероятно, понимал, что приближается его конец, и, не имея уже достаточно сильного голоса, но заметив, что я начинал дремать, слегка потянул меня за волосы, чтобы разбудить, указал пальцем на свечку, должно быть, желая дать мне понять, что зрение его слабеет. Я пристально посмотрел на него и убедился, что он на последнем издыхании. Я побежал за дядей, который уже лёг в постель, и проворно воротился к отцу, к которому бросился на кровать. Отец взял меня за руку и пожал её, но говорить не мог. Дядя мой ещё во время пришёл, чтобы присутствовать при кончине брата. Я был в таком отчаянии, что силою пришлось оторвать меня от отца. Меня перенесли на половину дяди, где тётка моя употребила все усилия, чтобы меня успокоить. На другой день, несмотря на все предосторожности, не выпускать меня из моей комнаты, я нашёл средство уйти через окно, которое было низко, и побежал в комнату, где лежало тело моего отца. При виде его, отчаяние моё стало ещё сильнее. Читальщик едва мог оттащить меня, а я так кричал, что пришлось прислать людей увести меня из комнаты.

После похорон отца моего, я остался ещё недели две у дяди, который приготовил мне сани для моего путешествия в Петербург. Мне было двенадцать лет, когда я отправился к г. Граверо на семь лет в ученье.

Годы ученья. – Работа в покоях императрицы Анны Иоанновны. – Позье открывает свою мастерскую. – Воронов и его жена. – Низвержение Бирона. – Правительница Анна Леопольдовна делает заказ Позье.

1731-1741.

Я довольно хорошо был принят моим хозяином и хозяйкой, у которой не было детей, кроме маленькой калмычки, которую они удочерили, и души в ней не чаяли, потому что она была чрезвычайно умна. Я всеми силами старался подружиться с нею, видя, что это самое лучшее средство расположить к себе моего хозяина и хозяйку. Я ещё не был причащён. В контракте было сказано, что мне позволят для этого учиться закону Божию и ходить три раза в неделю к г. Дюнану, тогдашнему пастору нашей французской реформатской церкви. Я был единственным человеком в доме не исповедующим католицизма, что служило мне немалым препятствием к тому, чтобы расположить всех в мою пользу, и делало мне много неприятностей. Я старался быть полезным, делал всё возможное, чтобы помогать хозяину моему, не имевшему помощников в работах, которые давались ему от двора, и так как он очень любил веселиться, то весьма рад был, что я оказался в состоянии помогать ему уже со второго года учения. Целых девять лет, которые я оставался у него, он почти ровно уже ничего не делал. Окончив работы, которые я справлял за моего хозяина днём, я просил позволения у него работать немного и на себя, что доставляло мне средства на мои маленькие личные расходы и увеселения.

Пять лет я уже пробыл у него, когда случилась катастрофа, которая чуть-чуть не принудила меня разстаться с моим хозяином. Это был человек чрезвычайно красивый, остроумный и забавный. Многие иностранные господа зазывали его к себе, а он никогда не отказывался от приглашения, потому что любил играть и выпить, так же, как и другие удовольствия, так что он по целым месяцам проводил ночи в кутеже, возвращаясь домой не раньше утра, а в хмелю он был такой злой, что если заставал кого-нибудь у себя дома спящим, зверем накидывался на него, а если никого не находил, на ком сорвать сердце, то бедную жену колотил кулаками до полусмерти. Мне часто приходилось отправляться за ним с фонарём и так просиживать в ожидании его. Ни один слуга не осмеливался этого делать, боясь, чтобы

хозяин его не поколотил, что непременно и случалось. Когда он был хмелён, он всегда находил предлог к побоям. Однажды я не пошёл за ним, оттого что мне нездоровилось, а ждал его дома. Он возвратился в четыре часа утра, разумеется, не в своём виде. Я один не спал и, услышав шаги его по лестнице, пошёл к нему навстречу со свечёй. Лишь только он увидел меня, как принялся, по обыкновению, ругаться. Я успокаивал его всякими доводами – напрасно. Я поспешил раздеть его – у него была пена на губах от бешенства, и не находя никого, на ком бы излить свою желчь, в ту минуту, как я снимал с него чулки, он меня так сильно хватил ногой, что я повалился на пол. Тут же я ему объявил, что если угодно ему держать прислугу, чтобы обращаться с нею таким образом, то пускай поищет её, а сам вышел. Он побежал за мной; лестница в доме была очень крутая и плохая, и я побоялся, чтобы он не свалился, гоняясь за мной; поэтому я остановился, и тут он бросился меня бить ногами и кулаками, и так меня отделал, что католические священники, жившие в доме, где они приютились после пожара, уничтожившего их церковь, услышав шум, прибежали выручать меня из рук этого сумасшедшего, который и их не пощадил, равно, как и прибежавшую жену. Общими силами, однако, удалось запереть его, чтобы дать ему отрезвиться и угомониться. Добрые патеры увели меня в свои комнаты и перевязали мне раны, из которых обильно лилась кровь. Меня узнать нельзя было, так я был избит. Что меня больше всего огорчало, это то, что хозяин, когда все бывшие при этой сцене стали упрекать его, начал уверять в своё оправдание, будто я сам хотел побить его.

Не желая подвергаться более подобным сценам, я решился уйти от него и отправиться в Англию с нашим пастором Дюнаном, который туда собирался. Дядя мой этим временем умер в Москве, так что мне не от кого было ожидать помощи. Наконец, госпожа Граверо, женщина добрая и умная, которой я много был обязан за её заботливость о моём воспитании, и вообще, обо мне, просила католических священников и всех знакомых моих, которые интересовались мною, уговорить меня не уезжать и окончить срок моего учения, на что я и решился, ожидая как далее Господь распорядится мною. Помирившись с хозяином, я пробыл оставшиеся ещё два года в ученьи. В то время прошёл караван из Китая, и императрица Анна получила с Востока множество драгоценных камней, рубинов и т. п. Ей любопытно было посмотреть, как их режут и шлифуют, и она дала знать моему хозяину, чтобы тот перенёс аппарат ко двору в комнаты, находившиеся недалеко от её покоев. Там мы проработали месяца два или три. Она приходила туда

каждый день два, три раза, смотрела, как мы работаем и приказывала моему хозяину являться в мастерскую рано утром, потому что она рано вставала.

Часто случалось, что хозяина моего не было, когда она приходила. Однажды она застала меня одного и спросила, где мой хозяин. Я отвечал, что он болен. К несчастью, один шут, итальянец, по имени Педрилло (Pateril), приятель моего хозяина, вошёл в мастерскую вслед за императрицею, которая спросила его: откуда он?

– С дачи, – отвечал Педрилло.

– С кем был на даче?

– С приятелями, между которыми был и Граверо.

Императрица сердито посмотрела на меня и сказала:

– Зачем же ты сегодня утром солгал?

Это было причиною того, что при первом пересмотре списка лиц, получающих пенсию от двора, Граверо был исключён и, несмотря на ходатайство у государыни, Бирона и фельдмаршала Левенвольда, которые были к нему доброжелательны, он ничего не мог сделать. Два дня спустя после этого прискорбного события императрица, найдя меня одного за работой, сказала мне:

– Ты ещё молод, хотел бы ты, чтобы я послала тебя в Китай с посланником Лангом (Delan), чтобы выбрать камни, которые там скупают на мой счёт?

Я отвечал, что готов исполнить её приказание, но что льщу себя надеждою, что в вознаграждение за время, которое я употреблю на это путешествие – не менее трёх лет – она будет так милостива, что положит мне приличное жалованье. Она обещала дать мне две тысячи рублей жалованья, и выдать единовременно десять тысяч рублей, чтобы я мог купить на свой собственный счёт товаров, какой мог заблагорассудится и, наконец, что я буду обедать за столом посланника, – всё это было чрезвычайно выгодно для меня, если бы дело это действительно устроилось.

Когда хозяин мой, у котораго мне оставалось отслужить несколько месяцев до конца ученья, узнал об этом, он остался весьма недоволен, но не имел возможности помешать мне ехать, так как этого желала сама императрица. К несчастью для меня, она скончалась три недели после этого

разговора, и регентство императора Ивана, которого императрица объявила своим наследником, переменяло состав посольства, и отправило вместо господина Ланга, русского, человека известного по низкому происхождению, и по дурному характеру, так что я побоялся, что он убьёт меня дорогою, чтобы завладеть тем небольшим состоянием, которое я мог тем временем нажить, что уже случалось в прежних посольствах. Поэтому, когда меня спросили: желаю ли я ехать на тех же условиях, я сказался больным и остался у моего хозяина.

Кончив срок ученья, оставался ещё у хозяина шесть месяцев. Так как он не говорил, какое жалованье будет давать мне, а гардероб мой дорого мне стоил, я был вынужден просить у него денег, в которых он мне не отказывал. План его был такого рода, чтобы я запутался в долгах, забирая у него вперёд денег для того, чтобы нельзя было отойти у него. Это заставило меня задуматься и побудило меня требовать у него жалованье, какое он думает положить мне в месяц. Это ему, повидимому, не понравилось, и он предложил мне такую ничтожную сумму, на которую мне невозможно было содержать себя, не должая более и более. По окончании моего ученья прошло уже два года, и я уже задолжал ему полтора ста рублей. Убедившись, что мне нечего от него ожидать и сильно тяготясь своим положением, я пошёл к одному еврею, по имени Липиман, который пользовался большим почётом при дворе регента Бирона, и знал, что я исправлял всю работу за моего хозяина, которому он часто доставлял заказы. Я ему объяснил своё положение и спросил, как он думает: "могу ли я найти себе место, если поеду в Англию, так как не желаю оставаться в России, чтобы не повредить моему хозяину?" Он мне сказал, что глуп я буду, если так поступлю, потому что могу честно зарабатывать приличные деньги в России, а он мне будет доставлять работу, насколько хватит у меня времени и сил, и что мне нечего церемониться с моим хозяином, потому что он дурно поступает со мной. Еврей предложил мне вперёд дать сумму, которую я задолжал хозяину, что он действительно и сделал. Это заставило меня решиться, хотя и тяжело мне было вследствие моей привязанности к госпоже Граверо, которой я был много обязан за заботливость о моём воспитании в мою молодость, и которая оберегала меня от многих неприятностей со стороны её мужа, незаслужившего такой хорошей жены. Итак, я объявил господину Граверо, что решился разстаться с ним вследствие того, что ничтожное жалованье, которое он мне назначил, в будущем обещало мне только возможность более и более должать ему, причём я лишался тех выгод, которые мог приобрести, будучи ещё молод. Граверо пришёл в страшное бешенство, и если-бы посмел,

то поколотил бы меня непременно. Он кричал, что я околею с голоду, и спрашивал, какими деньгами я расплачусь с ним? Деньги у меня были при себе: я положил их на стол. Тогда он мне сказал:

"Вы должно быть украли их? Откуда у вас эти деньги?"

Я отвечал, что не затруднюсь, если на то пойдёт, доказать ему от кого я получил эти деньги.

"К тому же, пробыв девять лет у Вас, продолжал я, – не думаю, чтобы заслужил название, которое вы мне даёте, и льщу себя надеждою, что вы потрудитесь подписать мой контракт в ученьи, чтобы совесть ваша была чиста, касательно моего знания; наконец, поведение моё и усердие моё о ваших выгодах было таково, что даже лучшие ваши друзья не откажутся дать мне аттестат, чтобы оправдать меня от всяких обвинений, какия вам надумается взвести на меня".

Он, наконец, подписал контракт, ругаясь и весьма неохотно, всё повторяя мне, что я умру с голода. Я простился с ним, объявляя, что если со мной случится такое несчастье, то никак не приду к нему за милостыней. Мне очень жаль было, что я не мог проститься с госпожою Граверо, которой не случилось дома в ту минуту.

Я отправился в артиллерийский квартал, на расстоянии одного лье от дворца.

Я перед тем просил господина Де-Серво нанять мне там комнату. Он был так добр, что поместил у себя мои аппараты с колёсами и другими инструментами, нужными для резки драгоценных камней; для переноски этих вещей он дал рабочих, которых он имел в своём распоряжении в артиллерийской канцелярии, что было мне большою помощью и дало мне возможность тотчас же приняться за работу, которою снабдил меня господин Липиман. Я присел за дело весело и с охотой, и недели в две я уже почти что заработал сумму, данную мне вперёд господином Липиманом для расплаты с моим хозяином, который, несмотря на высказанное им мне негодование, когда я от него отходил, не замедлил навестить меня и принести мне работу. Работу я ему справил, но платы не взял, когда он мне предложил. После того он часто приходил ко мне и был очень рад, что я брал его работу. Я взял слугу, без которого мне нельзя было обойтись, во-первых, потому что мне нужен был человек, который вертел бы у меня колесо, что очень утомляло, и, во-вторых, что надо было мне кого-нибудь посылать за

кушаньем в трактир. Первою моею заботой было, по уплате всего, что я задолжал за инструменты, заказанные мною и по обзаведении хозяйством холостяка, исподволь затесаться к вельможам, в чём помогало мне то, что я, будучи ещё у хозяина, бывал у них с поручениями и они были ко мне хорошо расположены, между прочим в доме канцлера Воронцова, который только что женился на двоюродной сестре принцессы Елисаветы, и у которого я часто бывал. Госпожа Воронцова, статс-дама, очень меня любила, и ей я обязан успехами, которые я имел в начале моей деятельности. Она рекомендовала меня всем своим знакомым. К ней (все) относились с большим почтением, – это была хорошенькая и милая женщина. Так как днём визиты отнимали у меня время, я принимался за работу вечером, возвращаясь домой, что сильно утомляло моё зрение, и несмотря на жёсткую зубную боль, которой был подвержен, я работал иной раз до четырёх часов утра, что заставило меня взять в учение одного пруссака, бывшего года два у хозяина, своего земляка. Скоро я подучил его настолько, что он мог помогать мне в менее нежных работах, и этим средством я избавил себя от необходимости работать при свечах. Когда у меня завелись кое-какие деньги, я начал торговать цветными камнями, привезёнными контрабандою куцами китайских караванов, так как самому мне позволено было вывозить их только для двора. Это дело оказалось довольно выгодным. Имея возможность самому отделявать их, я умел показать их в лучшем виде и продавал их вельможам с хорошим барышом.

Прошло около года, как я устроился независимо; в это время принцесса Анна, мать маленького императора Ивана, регентом которого покойная императрица назначила герцога Бирона, любимца своего, в ущерб матери Ивана, своей племянницы, отданной за принца Антона Ульриха, двоюродного брата короля прусского, не будучи в состоянии видеть, – как герцог Бирон управляет государством в ущерб ей, нашла средство его низвергнуть. Для этого принцесса Анна привлекла на свою сторону гвардейский полк и фельдмаршала Миниха и Остермана, первого министра, по распоряжению которых герцог Бирон, лежа на кровати с женою, был захвачен ночью адъютантами Миниха и гвардейцами; герцог и его жена были раздеты, обоих избили за то, что регент Бирон хотел защищаться. Их перевезли на гауптвахту, бывшую около дворца. Не трудно было заставить нацию решиться низвергнуть Бирона, он был жесток и погубил много бояр, выказавших неудовольствие на его управление. Принцесса Анна заставила нацию признать себя регентшей над её сыном.

Немного дней после этого события, осматривая казённые золотые вещи, ей пришла охота сломать некоторые уборы, вышедшие из моды, чтобы переделать их по своему вкусу. Гр. Линар, посланник саксонского двора в России, который пользовался большим расположением принцессы, зная меня по некоторым исполненным для него работам или проданным ему мною вещам, посоветывал правительнице послать за мною. Он тотчас же приказал одному пажу, моему знакомому, идти за мною и велеть мне явиться во дворец – куда я сейчас же и отправился. Паж ввёл меня в её покои, где я застал её вместе с графом Линаром.

– "Надо, – сказала она, – чтобы вы помогли нам сломать некоторые вещи, которые я хочу переделать по последней моде".

Я отвечал, что это скорее дело золотых дел мастеров; моя специальность заключается только в резке и оценке камней, так как я знаю хорошо их стоимость и достоинство.

– "Более мне ничего и не нужно, – возразила она, – я уже начала ломать, можете продолжать с нами".

Я достал нужные инструменты и принялся за работу, которая заняла два дня; после чего я свесил бриллианты и оценил их. По желанию регентши, я положил всю старую отделку в мою шляпу и спросил у нея, кому ей угодно, чтобы я отдал это золото? Она мне сказала, чтобы я оставил себе за труды, и что если я найду, что этого недостаточно, чтобы я поставил ей в счёт то, что признаю нужным. Так как в старых отделках было много маленьких бриллиантов, всего на 1.500 руб., не считая золота и серебра, которого тоже было на 500 рубл., то эта находка пришлась очень кстати для того, чтобы мне обзавестись. Я купил на эту сумму и на небольшая деньги, уже заработанные мною, несколько драгоценных цветных камней, которые я уже отлично умел ценить, и которые давали мне хороший барыш.

Восшествие на престол Елизаветы. – Двор Елизаветы. – Придворные ювелиры. – Императрица заказывает Позье звезду для принца саксонского Карла. – Восковая модель. – Заказы подарков для иноземных послов. – Подарки и вещи, привезённые Позье из-за границы. – Разговор его с Императрицей. – Отношение Елизаветы к наследнику престола и великой княгине. – Позье в роли посредника между Императрицей, ее министрами и иноземными при Русском Дворе послами.

1741-1761.

Спустя месяца два после вышеописанного случая, я ужинал у господина Марка-Бени, итальянского купца, женатого на сестре госпожи Граверо, где был и Лесток, хирург принцессы Елизаветы, доверием которой он вполне пользовался, и который интриговал, чтобы возвести ее на престол, так как она была законная наследница престола, как родная дочь Петра I. На этом же ужине был господин Сен-Совер, французский консул, и господин Де-Вальденкур, секретарь посольства при маркизе Де-ла-Шетарди, бывшем тогда посланником в России. Не думал я, что вслед за этим ужином придёт известие о событии, случившемся три часа спустя.

Лесток и Вальденкур оставили нас немного ранее десяти часов, отправляясь к некоему Берлину, савояру, содержателю биллиарда, где они условились сойтись, чтобы уговориться насчёт последовавшего затем события, и как я впоследствии, господин Вальденкур вручил червонцы господ. Лестоку, которого принцесса Елизавета ожидала в своих покоях с несколькими камер-юнкерами, бывшими в заговоре; – а червонцы эти следовало передать гвардейскому полку, квартировавшему в казарме, недалеко от города. Частью этого полка она могла располагать.

Когда Лесток явился во дворец принцессы, он застал ее не вполне решившуюся; но как перед тем Лестоку сообщили, что ее завтра арестуют, вследствие сведений, доставленных регентше о том, что нечто затевается против нее при содействии Лестока, то он взял принцессу Елизавету за руку, свёл ее в сани, ожидавшие их на дворе, и говоря ей, что, если она не желает, чтобы на следующее утро его казнили, а ее сослали на всю жизнь в Сибирь или сделали что-нибудь похуже, убедил принять твёрдое решение.

Заперев на ключ всех бывших в ее дворце и ничего не знавших о предстоящем деле, Лесток проводил Елизавету до саней, на облучке которых камергер Воронцов сидел кучером. Один гвардейский сержант, лифляндец, по имени Грюнштейн, вместе с Лестоком, встали на запятки и поехали в гвардейские казармы. Было около полуночи, когда они приехали. Принцесса, вышедши из саней, вошла в первую казарму и явилась солдатам, спрашивали их: – "Признаёте ли вы меня за дочь вашего Императора, Батюшки Петра I?" – Они все поклонились ей в ноги, отвечая, что признают. Она сказала: – "Готовы ли вы помочь мне сесть на престол, который у меня отняли?" – Они

все отвечали, что будут ей повиноваться во всём, что она им станет приказывать.

– Хорошо, пусть 300 человек из вас возьмут оружие и идут со мной, а остальные из полка, которые не задумались признать меня, и обещали повиноваться, пусть ожидают моих приказаний. Уверившись, таким образом, в трёх ротах, которые там квартировали, она велела трёмстам человекам следовать за ее санями и впереди их поехала во дворец, где был император Иван с матерью его, регентшей, и принцем брауншвейгским, мужем ее, которые все спали невдалеке от первой дворцовой стражи.

Она вышла из саней и в сопровождение 3-х лиц своей свиты и человек 50 гренадеров явилась перед часовыми, и когда сказала им несколько слов, – они позволили себя сменить. Она сменила их своими гвардейцами. Первым делом Елизаветы при входе в дворцовый двор было пройти прямо в караульную; по ее приказанию, тамошние барабаны распороты были кинжалом. Остальную часть ее отряда ввели во двор. Она прошла без затруднения в офицерскую дежурную. Затем сменены были часовые, бывшие в императорских покоях и поставлены туда из числа прибывших с принцессою; затем она сама прошла в покои; регентша и муж ее были взяты спящими, приставлены к ним стража так же, как и к маленькому императору, и вместе с отцом его и матерью они были перевезены во дворец, в котором жила принцесса.

После того Елизавета откомандировала Лестока с одним гвардейским офицером и с двадцатью гренадерами арестовать Остермана, первого министра. Воронцов, со своей стороны, отправился арестовать фельдмаршала Миниха, который немедленно признал Елизавету императрицей и велел везти себя к ней, чтобы поздравить ее, так же как и фельдмаршал Ласси, которого арестовал Грюнштейн, так что всё это совершилось без пролития одной капли крови.

Было уже часа 2, как я уехал от господина Бени, который жил против меня. Мне не спалось. Слыша большой шум на улице, я разбудил своего слуга, спавшего в комнате рядом со мной и послал его на улицу узнать, что там за шум? Он воротился и объявил мне, что собрали солдат, которых отправляли на подкрепление финляндской армии, так как шведы, с которыми была война, подходили к русской армии.

Минуту спустя ко мне вышел, запыхавшись, приятель мой Вимулен, состоявший секретарём при канцелярии иностранных дел и, сказал мне: –

"Знаете новость? принцесса Елизавета взошла на престол! Остерман и господин Бестужев-Рюмин арестованы, в канцелярии приставлен караул, и, кажется, меня тоже ищут, чтобы арестовать".

Я его успокоил, как мог и сказал ему, что надо посмотреть, что дальше будет, что он может покуда остаться у меня; я проворно оделся и с немалым трудом перешёл улицу к господину Бени; улица была полна солдатами. От этого приятеля я наверное рассчитывал узнать, что такое делается. Действительно, Бени в ту самую минуту, как я вошёл, получил записку от господина Лестока, который в немногих словах рассказывал ему, совершившееся событие. Я в ту же минуту воротился домой сообщить это моему приятелю Вимулену, которого уговорил идти за мною ко дворцу поцеловать руку императрице, куда все сбегали толпой; несмотря на давку, нам удалось добраться до нее по милости господина Лестока, который, увидав меня, подошёл ко мне, взял меня за руку и сам провёл меня к императрице, у которой я поцеловал руку.

Так как не моё дело распространяться об этом событии – подробный рассказ обо всём происшедшем увлёл бы меня слишком далеко, – то я ограничусь тем, что вкратце передам всё, что касалось меня в новое царствование, внушившее мне много надежд. Я уверен был, что мне будет хорошо по милости друзей, которых я имел между лицами, состоявшими при дворе этой императрицы и которым я давал в кредит, насколько позволяло мне моё маленькое состояние, когда они были очень бедны; с этого же времени они уже достигли до высших санов и богатства; однако, из всех этих лиц только г. Воронцов и жена его, да семейство Шуваловых выказали мне свою признательность. Последний, как только получил возможность уплатить долги, послал за всеми своими кредиторами, а ко мне послал к первому. Явившись к нему, я застал у него большое общество бояр, явившихся засвидетельствовать ему своё почтение. Шувалов отвёл меня в комнату, где отдал мне всё, что должен был и сказал; – "Возьмите деньги ваши". Затем взял меня за руку и провёл в комнату, где были все эти господа, и объявил обо мне: – "Вот человек, которому я много обязан. Он мне делал кредит в то время, когда у меня не было ничего". Тут он чрезвычайно любезно поблагодарил меня, обещал мне, что везде, где только будет возможность оказать мне услугу, он окажет. Впоследствии я убедился, что Шувалов говорил искренно.

Жена его была очень дурна собой, мала ростом, и всегда из аффектации одевалась по-мужски; она пользовалась дружбой и полным доверием

императрицы, обладала большим умом, но была мстительна против тех, к кому не была расположена; госпожа Шувалова заставляла императрицу делать много зла, хотя Елизавета Петровна была от природы добра и необыкновенно приветлива в обращении со всеми, кто имел счастье приблизиться к ней, и вместе с тем отличалась безукоризненной красотой; вообще надо сказать, что люди, которыми была окружена императрица, были, к несчастью, мало образованны и отличались дурными правилами, которые крепостное право вселило в эту нацию; были злы не имели никакой честности, и были расположены только к тем, кто старался удовлетворять их жадность к подаркам. Таким образом, лица, имевшие дело к императрице, могли дойти до нее только этим средством, часто с большими неприятностями для тех, кто был честен. Были многие ювелиры: греки, армяне, итальянцы, немцы, привыкшие к местной власти, к подаркам и вознаграждавшие себя при продаже своих товаров, ценя их гораздо выше настоящей их стоимости, и дамы, получившие подарки, не пропускали случая сказать императрице, что находят цены даже дешёвыми, хотя эта государыня была чрезвычайно скупа в своих покупках.

Спустя несколько времени по восшествии на престол Елизаветы, я имел случай увидеть ее. Принц саксонский, ее крестник, приехал в Петербург, с намерением выпросить себе герцогство Курляндское, что ему и удалось. Она пожаловала его орденом св. Андрея. Ее камергер и фаворит Иван Иванович Шувалов, которому она объявила, что желает украсить звезду бриллиантами, и который очень меня любил, послал за мною и спросил: могу ли я взять на себя эту работу для императрицы, которой он рекомендовал меня? Я поблагодарил его за доброе намерение и сказал, что льщу себя надеждой исполнить работу не хуже любого грека, или армянина; и душевно довольствуясь приличным барышом за труды, я решил, что прежде, чем сделать саму работу, необходимо сделать модель из воска, причём расположить на ней бриллианты таким образом, чтобы ее величество могла судить о вещи, так же хорошо, как будто она была уже отделана; таких моделей государыня ещё не видала, так как у работавших на нее не было это в обычае. Я спросил Шувалова, а какую сумму угодно ее величеству употребить? он мне сказал, что около 15 тысяч рублей.

Вслед затем я всё расположил на воску, и когда модель была готова, я принёс ее ко двору. Шувалов остался весьма доволен, сказал, что я отлично соединил бриллианты, и велел идти за ним к ее величеству.

Войдя в царские покои, Шувалов отправился доложить о моём приходе. Я остался в кругу статс-дам и фрейлин, которые смотрели на меня сердито и спрашивали, зачем я пришёл, так как я явился не через их посредство, что им и не нравилось. Но я на этот счёт был совершенно спокоен. Императрица вышла из своей комнаты с Шуваловым, который сделал мне знак подойти, что я и исполнил. Она подала мне руку. Я ее поцеловал. Императрица приказала, чтобы я показал ей, что я принёс. Я вынул коробку из кармана и подал ей. Государыня казалась весьма удивлённой тем, как я это устроил, так как этого ещё никто не делал для нее. Она мне выразила своё удовольствие. Хотя я заметил, что она находила работу великолепной по цене, однако, она не преминула заметить, что дорого, и спросила: не могу ли я уступить? Я отвечал, что родился в такой стране, где ещё царствовала добросовестность, что я вменю себе в честь поработать для нее, довольствуясь весьма умеренным барышом, так же, как и для друзей моих, удостоивших меня своим доверием, и доверивших мне свои бриллианты, чтобы помогать мне зарабатывать себе хлеб в то время, когда я не имел никаких капиталов, кроме труда моего; в доказательство чего я имел честь сказать ей, представляя счёт за бриллианты, помещённые в модели, что я их возьму назад, если она прикажет заплатить мне за фасон. Она засмеялась, глядя на камергера Шувалова, который сказал ей: "можете ему поверить, это честный человек, в то время, когда я был пажом, и у меня было мало денег, он мне давал займы, пока я получал своё пажское жалованье". Императрица приказала мне исполнить работу, как можно скорее, что я и сделал, имея шесть хороших венских оправщиков, которым платил задельно. Я был уверен в их честности, они жили у меня под глазами, и в 4 недели работа была исполнена, как нельзя лучше. Я отправился с нею в Петергоф, в загородный дворец Ее Величества, за 10 лье от города, где пошёл к камергеру Шувалову и представил ему мою работу; тот нашёл ее великолепною и сказал, что пошлёт посмотреть, принимает ли Ее Величество, так как она в то время была нездорова. Явился паж и сказал камергеру, чтобы он меня ввёл к государыне. Я пошёл за ним в покои Ее Величества. Она меня приняла весьма милостиво, дала мне поцеловать руку и спросила: – "Принесли вы мне орден со звездой и всё ли готово?" Я подал их в раскрытых футлярах. Государыня объявила, что весьма довольна. Она не преминула тотчас же показать своим наперсницам, которые не слишком-то были довольны, что я миновал их лапок. Из комнаты, где я остался, я слышал, как одна из этих гарпий сказала государыне, что бриллианты

казались ей больше, когда я их показывал на воске; это меня до такой степени взбесило, что я способен был войти и вырвать у нее работу из рук.

Императрица возвратилась в комнату, где я оставался, держа в руке щипчики, какие употребляются для ломки вещей. Она меня спросила, что я ими хочу делать? Я отвечал, что хочу сломать работу, если она сомневается, что тут не те камни, которые я оценил в счёт, представленном мною при восковой модели, так как предпочитаю потерять плату за фасон тому, чтоб она не могла подумать, что я хочу ее обмануть. Она отвечала, что я сумасшедший, что не нужно обращать внимание на то, что говорят эти женщины, которые тут ничего не понимают, но что она сама вполне довольна и уверена в моей честности. Я просил ее приказать оценить камни всем ювелирам, самым свежующим, говоря, что я удовольствуюсь тем, во сколько они оценят. Она ответила мне, что этого не нужно, и отдала приказание заплатить мне. Но впоследствии я узнал, что императрица послала ценить мою работу к грекам и итальянцам, которые оценили камни слишком восемь тысяч рублей выше против их ценности. Они не знали, что я сделал работу и что я удовольствовался весьма небольшим барышом; так как я знал, что государыня весьма бережлива в покупках и любила похвалиться, что купила что-нибудь дёшево, и так как я всё-таки наживал на взятых мною в долг бриллиантах, и что раз получив ее доверие, я мог сбывать мои камни, благодаря заказам от нее, то впоследствии это могло дать мне довольно значительный барыш и доставило мне большой кредит от тех, которые мне покровительствовали, что действительно и случилось. Часто нуждались в богатых табакерках и кольцах на подарки иностранным министрам, когда им давалась прощальная аудиенция; а эти поручения Ее Величество давала камергеру Воронцову. Тот ни к кому не обращался, как только ко мне, при чём сообщал о цене, назначенной Ее Величеством. Я исполнял работу сообразно с этой ценой и знал наверное, что получу деньги, как только работа будет сделана, из канцелярии иностранных дел, которая платила за подобного рода подарки. Это было для меня гораздо выгоднее, чем продавать придворным господам, которые покупали только в кредит и часто совсем не платили, как это случилось со мной, когда я решился возвратиться в своё отечество.

Три года спустя после того, как я женился, у меня было тысяч десять рублей, трое детей и жена была беременна четвёртым; в это время наш мюльгаузенский пастор Рисселер сообщил мне, что он намерен выпросить у колонии позволения отправиться на 6 месяцев за границу, для свидания с

родственниками, которые ещё были у него и которых он 20 лет не видел; он же меня подзадорил съездить с ним и взглянуть на родину, которую я так же 20 лет не видал. Мне так хотелось повидаться с моими братьями и сёстрами, которых я там оставил, что я отстранил все затруднения, представлявшие мне и которые могли бы меня заставить отказаться от моей мысли. В самом деле, у меня никого не было, кто бы мог вести мои дела, а между тем я заставил молчать страх, чтобы мои недоброжелатели лишили меня доверия императрицы, отстранил мысль о моих должниках, о моих счетах с вельможами, бывших не совсем в порядке, о моей жене, вступившей в пятый месяц беременности и трёх маленьких детях; всё это меня, конечно, сильно смущало, но, с другой стороны, я сообразил, что если теперь не решусь на поездку за границу, то сильно рискую никогда не увидеть моей родины. К тому же путешествие было необходимо мне, чтобы завести кое-какие знакомства за границей по моей торговле, которые мне были необходимы по делам; хотя я и мог получать кредит между Английскими и Голландскими негоциантами, но я не всегда находил у них то, что мне нужно было. Мне хотелось, чтобы двор знал, что я могу достать вещи из-за границы, и что я могу устроить это дешевле, чем греки и армяне, которые отплачивали мне каждый раз, как я не мог обходиться без них. Все эти соображения заставили меня решиться на поездку; я попросил господина Рисселера, который отлично умел вести книги, в чём я, напротив, был весьма плох, потрудиться привести в порядок мои дела и все счёты, мною написанные и между тем я, со своей стороны, постарался добыть обоим нам паспорта, что было в то время довольно трудно.

Я отправился к канцлеру Воронцову и объявил ему, что у меня сделалась тоска по родине и что, если он не хочет, чтобы я в самом непродолжительном времени умер, то пусть как можно скорее выдаст паспорт мне и моему другу, страдающему той же болезнью. Воронцов казался чрезвычайно удивлённым и огорчённым моим решением. Графиня, которая очень меня любила, вошла в комнату; услышав, что я прошу у ее мужа, она казалась тоже огорчённой и сказала мне: "Как же ты хочешь бросить жену и детей?" Я отвечал, что уже лет двенадцать имею честь быть известным ей, что я уверен, что она не считает меня способным иметь подобное намерение, что это путешествие я предпринимаю только для своего исцеления и для того, чтобы иметь возможность доказать ей по моём возвращении, как благодарен я за все ее благодеяния, что моё единственное утешение в разлуке с семейством будет надежда, что она не оставит его

своими благодеяниями; графиня весьма любезно обещала не оставлять моё семейство своими попечениями, и действительно исполнила своё обещание.

В то же время Воронцова поручила мне привезти ей гувернантку для молодой графини и просила мужа своего дать мне рекомендательные письма к губернаторам всех городов, через которые предстояло мне проехать до границы прусской, что было чрезвычайно полезно мне на пути туда и обратно. Мне стоило только передать письмо, когда оказывалось то нужным, и губернаторы спешили выказать мне всевозможное внимание, предлагали мне помощь в чём бы только мне понадобилось: съестными припасами, деньгами, почтовыми лошадьми; последние доставлялись мне за весьма умеренную плату.

Между тем канцлер объявил, что не смеет выдать мне паспорт, не доложив ее Величеству, которой жалко будет меня отпустить, так как она говорила, что весьма расположена ко мне, но сказал, чтобы я успокоился, что он доложит обо мне так, чтобы императрица позволила выдать мне паспорт. Выйдя от Воронцова, я сделал несколько поездок по городу по делам, и когда возвратился домой, жена сказала мне, что ее Величество прислала звать меня немедленно ко двору. Я сейчас же туда явился, хотя не совсем спокойный, и велел доложить о себе. Паж провёл меня в царские покои. Я подошёл к императрице, чтобы поцеловать полу ее платья, но она мне протянула руку, которую я поцеловал. Государыня спросила: зачем я хочу от нее уехать? "Впрочем, – продолжала она: – если это нужно, чтобы спасти тебя от смерти, и если ты скоро возвратишься, я согласна. Господь да проводит тебя! привези мне, что-нибудь хорошенькое, когда возвратишься". Я простился с нею, поцеловал ее руку и возвратился домой, значительно повеселев и занялся наиболее неотложными приготовлениями к отъезду.

< Далее следует описание поездки Позье за границу. Мы опускаем этот эпизод, т.к. он не имеет ни особого интереса, ни отношения к России, и прямо переходим к рассказу придворного бриллианщика со времени возвращения его в Петербург >

На десятый день после отъезда из Риги, мы приехали в Петербург, где я имел счастье обнять жену и детей; проехав 750 лье, я был сильно утомлён. У меня вспухли ноги. На следующее же утро приехал гонец от императрицы, находившейся в то время в Петергофе, в 12 лье от города; это камергер Сиверс, встретившийся нам в городе в то время, как он отправлялся в Петергоф, сообщил императрице о моём прибытии.

Гонец привёз мне приказание немедленно ехать ко двору и привезти с собою всё, что было у меня лучшего. Несмотря на опухоль в ногах, я должен был отправиться; велел заложить в карету четырёх хороших лошадей и, приехав в Петергоф около полудня, прямо отправился к камергеру Шувалову, который обнял меня лишь я вошёл в комнату и сказал мне, что императрица, узнав, что я приехал, желает видеть меня.

– "Привезли ли вы ей чего-нибудь хорошенького?" – спросил он меня. Я отвечал, что привёз несколько вещиц, которые, надеюсь, ей понравятся, но совершенно в новом вкусе.

– "Тем лучше, сказал он: – я оденусь и поведу вас к ее Величеству, которая вас ожидает". Я вручил ему пачку бронзовых медалей, зная, что он их очень любит и действительно он был крайне обрадован моим подарком, с восторгом пересматривал работу и сказал мне: "Ну, если ее Величество увидит их у меня, она у меня наверное отберёт их". Я отвечал, авось нет – у меня есть другие, которые я намерен поднести ей – "Тем лучше, скорей пойдёмте к ней, идите за мной". К счастью, мы были недалеко от царских покоев, потому что я с трудом передвигал ноги.

Добрая государыня приняла меня очень милостиво и протянула мне руку, которую я поцеловал, причём она сказала, что, если бы она знала, что я нездоров, она дала бы мне время оправиться.

– "Вылечились ли вы от тоски по родине, и благополучно ли вы совершили своё путешествие? – прибавила она: – я очень рада вас видеть. Что вы мне принесли хорошенького? Вы знаете, что вы мне обещали гостинцы".

Я отвечал, что я более всего на свете желаю, чтобы вещицы, которые имею честь поднести ей, понравились ей, и разложил на столе всё, что захватил в карман и что считал наиболее по ее вкусу. Ее особенно заняло маленькое художественной работы яичко, на котором был изображён из бриллиантов двуглавый орёл и ее имя, и которое открывалось посредством маленькой пружинки и могло служить коробочкой для туалета и другие вещицы – табакерки, во вкусе, ещё неизвестном в России, маленькое ожерелье из бриллиантиков, очень красивого рисунка, которое можно было надеть на шею, будто ниточку, и которое она сейчас же надела, заметив: "Господи, как это мило и удобно!" Кольцо с маленькими часиками, осыпанными бриллиантками, которое она тотчас же одела на палец и сказала: "Если бы у вас была с собой моя рука, вы бы не могли вернее сделать

кольцо по мерке. Все эти вещицы я нахожу удивительно красивыми и ни одной не отдам вам. Благодарю вас за внимание, вы сделали мне огромное удовольствие, привезя мне всё это. Пришлите мне счёт с ценою каждой вещицы, и я немедленно велю заплатить вам".

Всех вещей было на двенадцать тысяч рублей. Наконец, я вынул пачку с медалями и просил ее удостоить принять их и позволить мне не ставить их на счёт.

Она засмеялась. "Стало быть, вы хотите мне подарить их?"

Разглядывая их, она выразила мне своё удовольствие и спросила, могу ли я убедить художника, сделавшего их, переселиться в Россию и поступить к ней на службу? Я ответил ей, что надеюсь исполнить ее желание, и что если ее Величеству угодно, я ему напишу.

– "Вы мне сделаете этим большое удовольствие", – ответила она.

Я до этого времени уже получил письмо от Дасье сына, бывшего в Лондоне, который просил меня узнать, не возьмут ли его на службу за жалованье в две тысячи рублей. Вскоре после этого, я доставил ему содержание в три тысячи рублей при даровой квартире и написал ему об этом, посылая ему пятьсот рублей, которые я выпросил ему на дорогу. Он приехал два месяца спустя.

Я возвратился в город крайне довольный приёмом, сделанным мне императрицей. На обратном пути я не мог не заехать к Воронцовой, жившей на даче недалеко от Петергофа, с мужем, в то время больным.

Они оба меня обняли, поздравили с благополучным возвращением и первым делом спросили: "привёз ли я им гувернантку?" Я ответил, что привёз и не осмелился бы возвратиться без нее: что, будучи ими облагодетельствован, я не мог из благодарности не исполнить столь лёгкого поручения, но что я одного желаю, чтобы они остались довольны ею. Затем я рассказал им, как меня приняла императрица; они поздравили меня, уверяя, что от души радуются моему счастью. Наконец, я спросил их, согласны ли они, чтобы я оставил эту девицу ещё несколько дней у себя, чтобы она успела оправиться от долгого путешествия, так как у нее так же опухоль в ногах, как и у меня. Обещая привезти ее как можно скорее, я простился с ними и возвратился в город к семейству, на которое едва успел взглянуть. Мне же нужно было оправиться. Неделю спустя, я имел радость видеть нашего пастора, который приехал с женою, что меня совершенно успокоило.

Он нашёл квартиру свою готовую потому, что мы оба жили на самом дворе нашей церкви, и я всё приготовил. Оказалось, что из Любека он переехал всего восемь дней. Отдохнув немного, я поехал в Ораниенбаум представиться их императорским высочествам, великому князю и великой княжне, которым я поднёс несколько золотых вещей, зная, что это будет им приятно. Они приняли меня милостиво, взяли всё, что я показал им, но я знал, что денег у них немного, потому что императрица выдавала им весьма мало и даже сердилась, когда им выдавали в кредит. Я привёз им немного вещей, так как в течение пятнадцатилетнего моего знакомства с ними, весьма редко видал от них деньги.

Императрица никогда не ложилась спать ранее 6 часов утра и спала до полудня и позже; вследствие этого Елизавета нередко ночью посылала за мною, и задавала мне какую-нибудь работу, какая найдёт ее фантазия и мне иногда приходилось оставаться всю ночь и дожидаться пока она вспомнит, что требовала меня. Мне случалось возвращаться домой, и минутой спустя быть снова потребованным к ней. Она часто сердилась, что я не дожидался ее; таким образом, я терял много времени, которое не приносило мне такой прибыли, какую могло бы принести, так как в последнее время ее царствования я пользовался ее доверием. Во время ее болезни, продолжавшейся шесть месяцев, никто не допускался к ней, даже министры по самым важным, неотложным делам не могли добиться, чтобы она подписала бумаги, и часто канцлер Воронцов, зная, что она посылала за мною, когда выпадала минуточка получше, поручал мне просить ее от его имени подписать наиболее важные бумаги, и я осмелился подносить их ей только тогда, когда замечал, что она в добром расположении духа, но и тогда я замечал, что она с каким-то отвращением исполняла это. Эти поручения были довольно неприятны для меня, но я не мог отказать в своём содействии именно канцлеру Воронцову. Около того же времени граф Эстергази просил меня зайти к нему; посол венского двора находился в самом жалком состоянии здоровья, и доктора торопили его ехать на воды в Аахен, иначе он не мог избежать смерти; между тем, он употреблял все усилия, принимал все меры, чтобы быть допущенным к императрице на прощальную аудиенцию и никак не мог добиться того. Тогда канцлер Воронцов посоветовал ему обратиться ко мне. Я отправился к нему. Лишь только он увидел меня, как сказал: "Любезный Позье, я знаю, что вы настолько расположены ко мне, чтобы оказать мне услугу, от которой зависит спасение жизни моей; я знаю, что вы имеете случай видеть императрицу, которую никто не видит, кроме тех, кого она сама к себе

требует". Я ответил, что мне будет чрезвычайно лестно иметь возможность доказать ему мою благодарность за всё добро его ко мне и дружбу, которой он меня удостаивал во время моего пребывания в России. Я это делал с удовольствием, – возразил он; – потому что знаю вас за честного человека, и потому, что вы заслужили уважение всех самых честных людей в этом крае. Я несколько раз имел случай говорить о вас с императрицей, которая как мне показалось, уважает вас. Вот почему я вас прошу когда вы будете иметь случай видеть ее, изложить ей моё печальное положение, я знаю, что у нее доброе сердце и что она уважит мою просьбу".

Тут он мне показал свои раны; они были все красны, словно скорлупа рака. "Скажите ей, – продолжал он, – всё что вы сочтёте нужным. Я знаю, что ее болезнь не позволяет ей дать мне официальной прощальной аудиенции, я удовольствуюсь тем, если мне будет позволено поцеловать ее руку и проститься с нею. Окажите мне эту услугу; я знаю, что вы можете это сделать". Я ему обещал, что в первый раз, как я явлюсь к императрице не примину исполнить его поручение. У меня, как раз была одна вещица, которую она приказала мне приготовить ей и которую я должен был отдать ей на другой день. Поэтому я объявил послу, что если мне возможно будет передать лично, то я не примину воспользоваться этим случаем. Он отвечал мне: Любезный Позье, я ожидаю от вас услуги, за которую буду благодарен вам всю жизнь".

Я не преминул отправиться ко двору на следующий день и спросил первую фрейлину ее величества, которую я несколько изумил. Она явилась и спросила, чего я хочу. Я сказал ей, что имею нечто передать императрице, которая приказала мне передать это лично. Она сказала, что доложит императрице, что я тут. Четверть часа спустя я вошёл в спальню ее величества.

Я застал императрицу, сидящей на креслах подле кровати. Я подошёл, чтобы поцеловать у нее руку, а она меня спросила: "Что вы мне принесли:" – "Эту вещицу, которую вы мне заказали", – отвечал я. Я передал вещицу, и она, казалось, была довольна. "Есть ли у вас что-нибудь ещё показать мне?" Я вынул из кармана футляр, в котором было кольцо с одним бриллиантом в двенадцать тысяч рублей. Она сказала: "Ага, ну, вот это кольцо я возьму; мне нужно сделать подарок графу Эстергази, который тоже сделал мне подарок". Я ухватился за случай и сказал ей, что видел графа накануне в самом жалком положении, что ему остаётся, по словам докторов, в моём присутствии сказанных, не более полугода жизни, в том случае, если он не поспешит

отправиться на ахенские воды, на что он ответил, что не может надеются так скоро получить от её величества прощальной аудиенции, зная, что сама она нездорова, и что он удовольствовался бы тем, чтобы просто поцеловать её руку без всякой церемонии, и что такое разрешение будет ему величайшею милостью. Она казалась крайне огорчена была этим известием, потому что очень любила графа, и поручила мне отправиться к нему и сказать от её имени, что, несмотря на плохое состояние её собственного здоровья, она прикажет канцлеру Воронцову поехать за ним на следующее утро и привезти к ней, чтобы проститься с ним без церемонии, так как она желает, чтобы он имел возможность в скорейшем времени уехать на воды; а кольцо в двенадцать тысяч рублей оставила у себя. Я прежде всего отправился объявить об этом приятном известии графу Эстергази, который от радости обнял меня и непременно хотел, чтобы я остался у него обедать – честь эту он мне много раз оказывал. После обеда он приказал секретарю посольства всё приготовить к дороге, а также приготовить карету с парадной ливреей, на следующее утро, чтобы ехать проститься с императрицей, что действительно и случилось по его желанию. Лишь только он возвратился с аудиенции он прислал за мною ещё полный радости и показал мне кольцо подаренное ему её величеством, а также множество прекрасных мехов. Я рассчитал, что всего могло быть на 25.000 р. Он рассказал мне, как милостиво императрица его приняла. Я высказал ему, как приятно мне видеть его таким довольным. Он обнял меня, говоря: "любезный Позье, если я когда-нибудь узнаю, что вы уехали из России, а ко мне не приехали навестить меня, то, если я буду в живых, pošлю солдат взять вас и силою привести". Он приказал своему домоправителю отобрать для меня лучшее его венгерское вино и старое рейнское вино и послал ко мне с некоторою мебелью, которую он оставлял. Я поблагодарил его и простился с ним, желая ему благополучного пути. Мне грустно было расстаться с этим вельможей, который искренно желал мне добра и у которого порядочно нажился, так как он был чрезвычайно точен в платежах.

Императрица скончалась несколько месяцев спустя по отъезде этого вельможи, и в то время, как я надеялся устроить несколько выгодных дел, что меня очень огорчило, тем более, что лучшие из придворных вельмож были ко мне расположены, и всё изменилось при восшествии на престол Петра III, племянника её.

К счастью для меня, я был очень хорошо известен ему и великой княгине, супруге его, так как редко проходил день, чтобы я не имел чести их видеть.

Болезнь Позье. – Внимание к нему умирающей императрицы Елизаветы. – Позье в комнатах Елизаветы Воронцовой. – Позье получает чин бригадира. – Приближённые Петра III. – Работы Позье для убранства останков императрицы Елизаветы. – Екатерина у гроба Елизаветы. – Воспоминание о балах, маскарадах и прочих увеселениях Елизаветы ее двора. – Дворец Елизаветы Петровны. – Наряды дам – обычай румяниться. Корона и бриллианты императрицы Елизаветы и уборы ее приближённых. – Торговые дела и компаньон Позье. – Принцессы Голштинския. – Пётр III в Ораниенбауме. – Позье у Елизаветы Воронцовой. – Голштинская гвардия. – Спектакль, устроенный Петром III. – Вторичная поездка Позье в Ораниенбаум. – События 28, 29 и 30 июня 1762 г. Судьба принца Георга Голштинскаго и его семейства.

1761-1762.

Во время кончины императрицы Елизаветы, я был очень болен, у меня было воспаление в лёгких, от которого мне пустили кровь семь раз в один день, и на выздоровление моё не имели ни малейшей надежды. Императрица, в то время бывшая ещё в живых, узнав об этом через своего врача, который от нее не отходил, и которого жена моя просила, как друга дома, зайти на минуту, если возможно, так как я жил очень близко от двора, – императрица, говорю я, велела ему сейчас же идти ко мне и посмотреть, не может ли он помочь мне, уверяя, что она может обойтись без него.

Была полночь, когда он пришёл. В ту самую минуту пускали мне кровь в пятый раз в этот день. Я чувствовал облегчение от колотья в боку, только пока текла кровь моя. Он прописал мне большую склянку микстуры слабительного, так как мне уже поставили пять клистиров и всё понапрасну; в пять часов утра, в шестой раз пустили мне кровь. Доктора мои, которые меня не оставляли, заставили меня выпить остальную микстуру из склянки. Желудок у меня был так полон, что я не мог проглотить, а боль была невыносимая. Я просил пастора придти помолиться за меня; доктор находил меня столь слабым что почти отчаивался в моей жизни. Лекарство, однако, подействовало и дней через восемь я был в состоянии встать с постели.

В это время великий князь прислал ко мне одного из своих офицеров просить меня достать ему золотую табакерку, осыпанную брильянтами, которая была ему нужна, так как жена моя знала, что я, по возможности, избегаю давать великому князю в кредит, потому что это было запрещено мне самой императрицей, она неосторожно отвечала этому офицеру, что ей не до того, что я почти при смерти и потому она не может говорить со мною о таких вещах. Тот и ушёл с этим ответом.

Жена моя рассказала мне всё это только тогда, когда уже я значительно поправился; несколько дней спустя я узнал, что императрица скончалась, что было двойным огорчением для меня, на третий день я узнал, что великий князь провозглашён императором. Я был обязан идти его поздравить, а как представиться ему после того, что случилось? Дело шло о совершенной моей гибели, если бы Пётр III рассердился на меня, хотя невинный, я жестоко беспокоился до той минуты, когда увидел его. Я знал, что фрейлина графиня Елизавета Воронцова, воспитанная у дяди ее великого канцлера Воронцова и бывшая фрейлиной при великой княгине, имела большое влияние на нового императора, которого она слыла фавориткой и так как она оказывала мне большое расположение, то я решился написать к ней записку с объяснением, что болезнь до того расслабила меня, что я несмотря на сильное моё желание поздравить императора с восшествием на престол, не могу этого исполнить, т. к. слабость моя не позволяет мне долго стоять в ожидании его в зале; что я знаю, что он иногда бывает на ее половине и что она премного обяжет меня, если позволит отправиться к ней, дав мне знать, когда он будет у нее.

Она мне велела отвечать, чтобы я приходил в тот же день в девять часов вечера, что она меня поместит в комнате, где мне будет удобно и можно будет видеть императора, когда он войдёт.

Это меня несколько успокоило; ее любезное предложение дало мне мысль, что если бы император упомянул ей о своём неудовольствии против меня, она бы заступилась? Я сел в карету и ровно в девять часов вечера отправился к гр. Воронцовой.

Она меня приняла весьма вежливо, поздравив меня с выздоровлением; сказала что император не замедлит навестить её, и что мне можно будет поздравить его тут, и что при нём будет небольшая свита. В самом деле, минуту спустя он вошёл в сопровождении двух своих любимцев. Я встал, как только увидел его и подошёл, чтобы поцеловать его руку, но он меня обнял и

сказал: – "А что вы, Позье? мне сказали, что вы собираетесь помирать". Я весьма развязно отвечаю ему, что передумал, желая иметь честь поздравить его императором, он засмеялся и сказал: "Я теперь богат, заплачу вам". Видя что император разговаривает со мною в таком тоне я возразил, что я буду крайне рад посмотреть какого цвета у него деньги, которых я 15 лет уже от него не видал. "Вы знаете," отвечал мне Пётр "что в этом не я виноват, и что мне давали весьма мало денег, теперь чем я могу служить вам?".

"Тем, ваше императорское величество, что позволите мне иметь честь служить вам, если я имею счастье быть вам угодным?"

– "Хорошо" сказал он мне; "назначаю вас моим ювелиром с чином бригадира, чтобы вы могли входить в мои покои, когда захотите".

Он приказал своему адъютанту Гудовичу, который был тут, тотчас же поехать в Сенат, чтобы там издали указ на следующее утро с объяснением всему государству об этом назначении. Я поцеловал его руки и благодарил, за милость, оказанную мне уверяя что приложу, всё старание, чтобы быть достойным ее.

Затем я возвратился домой поделиться этой приятной новостью с женой, которая была не совсем спокойна, когда я вышел из дому, и не ожидала, услышать то, что я сказал ей по возвращении. Несмотря на этот, счастливый поворот в моей судьбе, я скоро заметил, что упал в пропасть, из которой не легко мне будет безопасно выбраться.

Я видел что императора окружали молодые люди, известные мне по своим дурным нравам, нечестности, и которые не имея ничего, были надменнее императора и воображали, что делают мне большую честь, заказывая мне всё, что приходило им на ум, тогда как я не имел ни малейшей надежды получить от них деньги. Отказать же им я не мог из опасения, чтобы они не восстановили против меня императора, пользуясь всем его доверием.

Сверх того они поддерживали недоразумения между императором с императрицей, из опасения, чтобы она не забрала в руки бразды правления, к чему она была гораздо способнее, и при которой им было бы далеко не так привольно. Я имел всевозможные поводы домогаться расположения этой государыни, которая часто посылала за мною по делам, касающимся моей специальности.

Однажды, когда я выходил из ее покоев, я встретил императора, вышедшего из дворца, со своими любимцами. Он меня спросил, откуда я? Я ему ответил, что от императрицы, что она, мне заказала вещицу, в которой она нуждается. Император с сердитым видом сказал мне, что он запрещает мне ходить к ней. Это как громом поразило меня. Как отказаться мне являться к императрице, когда она пришлёт за мною? "Что с тобой станется при подобных обстоятельствах?" спрашивал я сам себя. "Все старинные друзья, на которых ты мог рассчитывать, удалены от императора, ты остался без всяких средств, и выходов. Если ты обратишься к графине Елизавете Воронцовой, то рискуешь навлечь на себя негодование императрицы, которая не имеет причины любить её, словом, я находился в незавидном положении.

К счастью моему император не имел желания участвовать в церемониях необходимых при похоронах покойной императрицы, тётки его, и представил заботу эту своей супруге, которая распорядилась как нельзя лучше, обладая вполне политическим тактом, необходимым, чтобы приобрести расположение бояр, составлявших двор покойной, тело которой было выставлено на парадном одре, то Екатерина прислала за мною по этому случаю. Я понял, что император не обратит на это внимания, несмотря на своё запрещение, однако пошёл к нему просить его распоряжения. Император отвечал мне, что могу отправиться к императрице, потому что он поручил ей распорядиться этим торжеством. Это уже меня успокоило, а то я просто не знал как быть и как себя держать. Я отправился. Лишь только императрица увидела меня она сказала:

– "А это вы, Позье? Войдите, у меня для вас есть работа. Нужно сделать корону. Вы посадите за неё как можно больше рабочих и принесёте её как только будет готова".

Я тотчас же посадил рабочих моих за дело, и корона была живо исполнена. Я отнёс её как только она была готова; императрица осталась весьма довольна.

– "Будьте сегодня в шесть часов в парадной зале, где выставлена покойная". Я отправился но ощущал сильное волнение, увидав эту добрую государыню в большой зале, освещённой шестью тысячами свечами, на парадном одре, окружённую печальной погребальной обстановкой. Все статс-дамы и фрейлины, составлявшие ее штат, окружали одр Елизаветы, размещённые на известном расстоянии, в глубоком трауре. Архиереи и

священники в полных облачениях читали молитвы. Я подошёл и стал на колени, чтобы поцеловать ее руку, как это делается в течение шести недель до погребения, и как делают все, кто приходит прощаться с нею. Я взглянул на ее дам, которые при виде меня не могли удержаться от слёз, так же как я сам, столько раз бывший свидетелем доброты и приветливости покойной государыни ко всем, имевшим честь приблизиться к ней.

Императрица в эту минуту вошла, а за ней паж нёс золотую корону, сделанную мною по ее заказу. Отвечая на поклоны всех этих дам, Екатерина взошла к изголовью парадного одра покойной, с золотой короной в руке, с тем, чтобы самой возложить ей на ее голову. Увидав меня, она сделала мне знак подойти и помочь ей; так как я имел предосторожность сделать несколько винтиков в бордюре, охватывающем самый лоб, а голова покойной сильно вспухла, мне не трудно было расширить корону, что я и сделал с помощью щипчиков, которыми я запасся. Я слышал, как дамы кругом меня хвалили императрицу и удивлялись ее твёрдости, с которой она сама пожелала одеть корону на голову покойной. Несмотря на все курения и благовония, меня так сильно обдало запахом мертвого тела, что я едва мог устоять против нее. Однако императрица вынесла всё это с удивительной твёрдостью и этим одержала полнейшую победу над сердцами своих подданных, как видно из всего, что последовало; поэтому могу сказать без преувеличения, что едва ли какое-нибудь погребальное торжество совершалось с таким порядком и с таким великолепием, что нахвалиться не могли императрицей, которой поручено было распоряжаться всею церемонией.

Прежде чем воротиться к моим собственным делам, не могу не сделать краткого описания великолепия двора покойной императрицы и увеселений, которые давались на масленицу и по случаю других праздников, в особенности маскарадов.

В маскараде участвовали обыкновенно все, кто только мог достать билет на вход; билетов же раздавалось от 1000 до 1500.

Маскарады эти были роскошны и давались в императорском дворце, где по этому случаю, раскрывались все парадные покои, ведущие в большую залу, представляющую двойной куб в сто футов. Вся столярная работа выкрашена зелёным цветом, а панели на обоях позолочены. С одной стороны находятся 12 больших окон соответствующих такому же числу зеркал из

самых огромных, какие только можно иметь; потолок исписан эмблематическими фигурами.

Не легко описать впечатление, которое зала эта производит с первого взгляда по своей громадности и великолепию; по ней двигалось бывало бесчисленной множество масок в богатейших костюмах, разделённых на кадрили и на группы; все покои бывали богато освещены: в одну минуту зажигается не менее десяти тысяч свеч. Есть несколько комнат для танцев, для игры и общий эффект самый роскошный и величественный. В одной из комнат обыкновенно императрица играла в фараон или пикет, а к десяти часам она удалялась и появлялась в маскарадной зале, где оставалась до пяти ли шести часов утра, несколько раз переменяя маски. По окончании бала каждый удалялся.

В обыкновенные дни давали четыре разных представления: французскую комедию и русскую комедию, итальянскую оперу и немецкую комедию. Придворный театр очень хорош, великолепно раззолочен. Каждое воскресенье бывали приём и бал, кроме больших праздников. Нельзя ничего вообразить себе более величественного двора при подобных случаях: редко бывало менее трёх тысяч гостей, в том числе лучшая молодёжь обоего пола. Придворные дамы не мало способствовали блеску этих собраний, обладая в высокой степени искусством одеваться к лицу и сверх того умеют до невозможности подделывать свою красоту. Все женщины в России, какого бы они не были звания, начиная императрицей и кончая крестьянкой, – румянятся, полагая, что к лицу иметь красные щёки.

Наряды дам очень богаты, равно как и золотые вещи их, брильянтов придворные дамы надевают изумительное множество. На дамах сравнительно низшего звания, бывает брильянтов на 10 - 12,000 руб. Они даже в частной жизни никогда не выезжают, не увешанные драгоценными уборами и я не думаю, чтобы из всех европейских государынь была хоть одна, имевшая более драгоценных уборов, чем русская императрица.

Корона императрицы Елизаветы, стоящая чрезвычайно дорого, состоит так же как и все ее уборы, из самоцветных камней: из рубинов, из сапфиров, из изумруда. Все эти камни ни с чем не сравнятся по своей величине и красоте. Таково впечатление, вынесенное мною из этого двора, который я имел время изучить, прожив при нём около тридцати лет.

Возвращаюсь к тому, что произошло после погребения императрицы Елизаветы, и в особенности к происшествиям бывшим со мною. Мне

слишком много пришлось бы писать если бы я захотел передать все превратности, случившиеся со мною, покражи, которые я потерпел, пожары от которых погорел несколько раз с большими для себя потерями, – постоянные неприятности по делам от знати, которая того только и добивалась, чтобы покупать в кредит, не имея чем заплатить. Вследствие этого я не редко бывал принуждаем, когда видел, что подъезжает к моей квартире пять или шесть карет шестёркою, запирают двери и приказывают сказать, что меня дома нет, чтобы избежать необходимости рисковать моим добром и добром моих приятелей, доверяющих мне свои товары; наконец, не могу описать страха и трудов, которые я постоянно терпел, не имея никого, кому бы я мог доверять часть моих дел на стороне.

Конечно, у меня были приказчики, которым я платил большое жалованье, но которые не понимали ни языка, ни самой торговли, и служили мне больше писарями, да держали книги в некотором порядке. Вечером, намучившись в целый день, я должен был работать при свече, приготавливая работу моим мастерам, которые приходили в 5 час. утра, – всё это сильно подорвало моё здоровье.

Я вступил в компанию в царствование императрицы Елизаветы с г. Луи Давидом Дювалем, женевцем, который побывал в ювелирной торговле в Лондоне у братьев своих, и приехал в Петербург с товаром тысяч на пять рублей. В качестве моего соотечественника, он остановился у меня и показал мне привезённый товар, состоявший из табакерок из авантюрина, часов дамских и мужских, футляров, оправленных золотом, и проч. и проч. Я ему сказал, что это можно будет сбыть, тем более, что в России ещё не появлялась эта композиция, "но так как вы не знаете, как здесь торговать, – сказал я ему: – я боюсь, чтобы вы не оборвались продав в кредит, потому что редко удаётся продавать за наличные деньги, и как бы вам долго не пришлось бегать за долгами, не зная здешнего края. Я вас выручу из этого затруднения: назначьте цену с умеренным барышом, и я куплю у вас весь ваш запас и заплачу за него наличными деньгами". Он принял предложение моё с большим удовольствием и остался им весьма доволен. Заметив в то время, как он жил у меня, что он очень смыслён по счётной части, и выслушав от него рассказ о том, как он работал у братьев в Лондоне, я убедился, что это честный человек и предложил ему вступить со мною в компанию на три года, в надежде, что он облегчит мне переписку и ведение счетов. Он принял это предложение с большой радостью, уверяя меня, что у меня с ним дело пойдёт отлично, что братья его в Лондоне будут в восторге

и будут нам чрезвычайно полезны по ювелирной части, так как они ведут обширную торговлю в качестве ювелиров английского короля, и что при этом они меня знают по репутации, будучи знакомы с русским послом в Лондоне, который им расхваливал меня до небес. Я сказал ему, чтобы он сообщил братьям о сделанном ему мною предложении прежде, чем окончательно примет его, но он уверил меня, что это лишнее, что он на счёт братьев не беспокоится; итак, мы заключили компаньонский контракт на четыре года, по его желанию, и положили каждый по 5 тысяч руб. капитала товаром.

Братья его написали мне письмо самое дружеское, в котором уверяли, что они будут в восторге иметь дела с нами и предложили всякие услуги. Мы и принялись за работу.

Первый год прошёл довольно благополучно. Во всём, что касалось переписи и счётной части, я безусловно полагался на моего компаньона, по делам же, которые у меня были вне дома, он ничем не мог мне помочь, нисколько не будучи к тому способен, даже если бы он и знал язык; к тому же он был угрюмого, молчаливого нрава, что вовсе было бы неудобно для ведения дел с петербургскою знатью.

Братья его присылали нам товару, но такого, который не подходил к моему роду торговли заключающемуся исключительно в золотых вещах и драгоценных камнях. Товары эти нужно было сбывать, потому что они посылались нам на комиссию и сами брали их из магазина, как я впоследствии узнал от одного из братьев их, проживающего во Франкфурте, где он и умер; а это только отвлекало меня от моей главной торговли и подвергало меня неприятностям.

Только благодаря значению, которым я пользовался при дворе, мог я избежать описи моей собственности, так как не позволялось продавать петербургским торговцам подобного товара и полиция имела право делать обыски у частных лиц, и если находила эти товары, могла ограбить весь дом, посадить хозяина под арест и взять с него большой штраф; словом, я просил моего компаньона написать братьям, чтобы они более подобных вещей к нам не присылали, как несовместные с нашей торговлей. Это его рассердило и я иногда по целым неделям не мог добиться от него ни единого слова. Кроме того, я получил частное письмо от моих корреспондентов гг. Ренур, в которых я нуждался и сношения с которыми мне было большим подспорьем, потому что я, не имея собственного капитала, пользовался обширным

кредитом у них по ювелирной части. В этом письме они жаловались, что я не уведомил их о моём намерении вступить в эту компанию, а говорили, что они могли бы дать мне по этому поводу хороший совет и что мне известно, какое доверие они всегда имели ко мне, так как они всегда посылали мне вдвое больше товару, чем я просил у них. Правда, что и им была от этого выгода, вследствие процентов, которые они брали с меня за то, что давали мне в долг, однако это было удобнее и мне, которому приходилось давать в долг на очень долгие сроки. Они, между прочим, жаловались на то, что мой компаньон обращается к ним свысока в письмах, которые он писал помимо меня, так как я исключительно предоставил ему заведовать моей перепиской, и дела мои не давали мне времени проверить её. Далее, писали они мне, что заметили, будто гораздо реже стали посылаться к ним деньги, чем когда я один занимался делами и что им приятнее получать вежливо написанные письма, чем постоянные дерзости и придирки.

Это был единственный раз, что на меня пожаловались мои приятели с тех пор, как я меня завязалась переписка с ними.

Я готов был искушать себе пальцы от досады, что вздумал вступить в компанию с этим господином, который не только не облегчал мне дела, но прибавлял заботы и тревоги.

Прошло уже три года, как я возился с ним, когда он заболел какой-то меланхолией, которой он страдал уже в Лондоне, где жил у своих братьев, как они впоследствии мне писали. С ним делались какие-то в роде умопомешательства: он приходил ни с того, ни с сего ночью ко мне, будил меня и объявлял, что совершил преступление против императрицы, что его велено арестовать и заключить в крепость.

Как ни старался я успокоить его, он никак не мог отделаться от этой мысли. Иногда он являлся ко мне в комнату, становился перед зеркалом с бритвою в руке, и делал вид что хочет перерезать себе горло. Я попросил двух докторов его как-нибудь вылечить. Они прописали ему ванны со льдом, но я никак не мог уговорить его сесть в ванну, а силу употребить не хотел. Наконец он объявил мне, что сядет, если я сам первый в неё сяду, и останусь в ней рядом с ним. Хотя это было вовсе не здорово для меня, однако я сел к надежде что это ему поможет. Действительно в ту же ночь он был поспокойнее. Доктора объявили мне, что единственное средство помочь ему, – переправить его за море. Я передал его с рук на руки капитану,

англичанину, который был знаком с его братьями в Лондоне, и обещал мне, что доставит ему возможный уход.

После того я получил письмо от его братьев в котором они извещали меня о его благополучном прибытии и о том, что он много поправился и что его отправили в деревню, где надеялись на совершенное его выздоровление; он и сам писал мне, месяц спустя после своего прибытия очень дружеское письмо, в котором извещал, что надеется в скором времени возвратиться, чтобы привести в порядок наши дела.

Когда я писал братьям его, сообщая им о болезни моего компаньона, я просил их прислать безотлагательно верного человека для приведения в порядок наших дел.

Они мне прислали своего приказчика г. Пешье, весьма умного малого, очень сведущего по бухгалтерии. Я поместил его у себя, сдал ему письма и бумаги нашей компании в полное распоряжение. Гг. Дюваль надеялись, что я этого молодого человека возьму к себе в компаньоны вместо их брата, и поэтому в письме расхвалили мне его, чего он впрочем вполне заслуживал, да кроме того, надавали ему писем к русским вельможам, знавшим его в Лондоне, и к некоторым знакомым английским торговым домам.

Все советовали мне так и сделать, но совершенно напрасно: я слишком много натерпелся с моим первым компаньоном, чтобы поторопиться завести другого, и поэтому оставался неумолимым, тем более, что г. Пешье мог помогать мне только по части бухгалтерии чего было совершенно недостаточно, так как у меня был приказчик.

Когда г. Пешье привёл книги мои в порядок, оказалось, что мой компаньон не внёс в них всех плохих товаров, присланных нам, по его словам на комиссию, и которых оставалось у нас ещё половина никуда не годная, всего слишком на десять тысяч рублей, и это всё было записано на наш счёт с платою по 8% до полной уплаты этой суммы; оставалось ещё много кое-чего, на что я посмотрел сквозь пальцы, чтобы скорее кончить и избежать дрызг. Несмотря на то, что у нас оставалось до двадцати тысяч рублей барыша, с получением всего, что нам были должны и по уплате нашим кредиторам. Но прежде, чем мы успели окончить ликвидацию – и того почти не было. Г-н Пешье возвратился в Лондон, а мой компаньон явился в Петербург совершенно здоровым и мы поделили документы на наши долги, которых я не взял исключительно на себя, вопреки всем просьбам его братьев.

Затем я принялся трудиться один, и надеялся порядочно заработать у императора Петра III, который накупил у меня множество вещей для своей тётки и племянницы, принцесс голштинских, выписанных им в Петербург, и небогатых брильянтами в сравнении с нашими дамами.

Мне тем легче удалось расположить их в свою пользу, что они не знали местных обычаев и советовались со мною, как являться им ко двору в высокаторжественные дни.

Убедившись, что у них не слишком-то много вещей, и что наши дамы непременно бы сказали: "смотрите-ка, эти иностранки чуть не голые приехали к нам, а уедут богачками, я им наделал несколько уборов из фальшивых камней разных цветов подобранных и перемешанных с брильянтами так, что невозможно было догадаться, что камни не настоящие. Это произвело огромный эффект, и приезжие несколько раз являлись все в разных уборах, и наши дамы надивиться не могли, как это у них так много вещей из таких отличных камней, с таким вкусом подобранных и отделанных.

Как только я являлся ко двору, меня обступали и спрашивали; настоящие ли это камни?

Я разумеется не разуверял их, как и сговорился с принцессами.

Император, которому была известна эта хитрость, приходил в восторг, тем более, что это избавляло от слишком большого расхода для тётки и племянницы.

Однажды застав меня у тётки, вместе с которой я подбирал камни он сказал мне:

- "Вы как черт изобретательны".

Эта добрая принцесса исповедывала реформатскую религию и часто бывала в нашей французской церкви, при которой я был старостою более пятнадцати лет. Я воспользовался этим случаем и просил её намекнуть императору, который чрезвычайно её уважал, чтобы он дал пособие нашей церкви, недавно погоревшей, т. к. наша колония была слишком малочисленна и не имела средств построить новой. Император обещал помочь нам и затем уехал в Оренбаум, загородную резиденцию, подаренную ему покойной императрицей, когда он был великим князем, и очень им

любимую. Он собирался там повеселиться, а императрице приказал поселиться в Петергофе в трёх лье от Оренбаума.

При ней было всего шесть камер-фрейлин, да два камер-юнкера, с ней поехал и маленький великий князь, сын ее.

Император же взял с собою всех своих фаворитов и самых красивых придворных дам, цвет аристократии, хотя все сильно роптали на то, что не дозволялось, им остаться с императрицей, которую все очень любили, да и ей не легко было отправляться одной чуть не в ссылку.

Работы Иеремии Позье

Безусловно, наиболее известной его работой является Большая императорская корона Российской империи, которой после Екатерины II короновались все российские императоры.

Первую российскую корону из позолоченного серебра венчала темно-красная благородная шпинель (398,72 карата) - по-старинному, *лал* - который купил еще при царе Алексее Михайловиче его посол в Пекине, ученый, дипломат и писатель Николай Спафарий. После смерти Екатерины I этот самый лал из ее короны оказался в короне внука Петра I - Петра II, умершего юношей.

Воцарившаяся затем на российском престоле Анна Иоанновна не устояла перед соблазном украсить свою корону все тем же рубином. Позднее эту корону возложили на голову дочери Петра I - Елизаветы Петровны. Екатерина II, она же Великая, понимала исключительную важность имперского блеска. И решила затмить великолепием всех монархов, российских и иноземных. Видимо, она грезила Российской Императорской короной еще будучи немецкой принцессой Софьей Фредерикой Августой, как только к ней стал свататься будущий русский император Петр III.

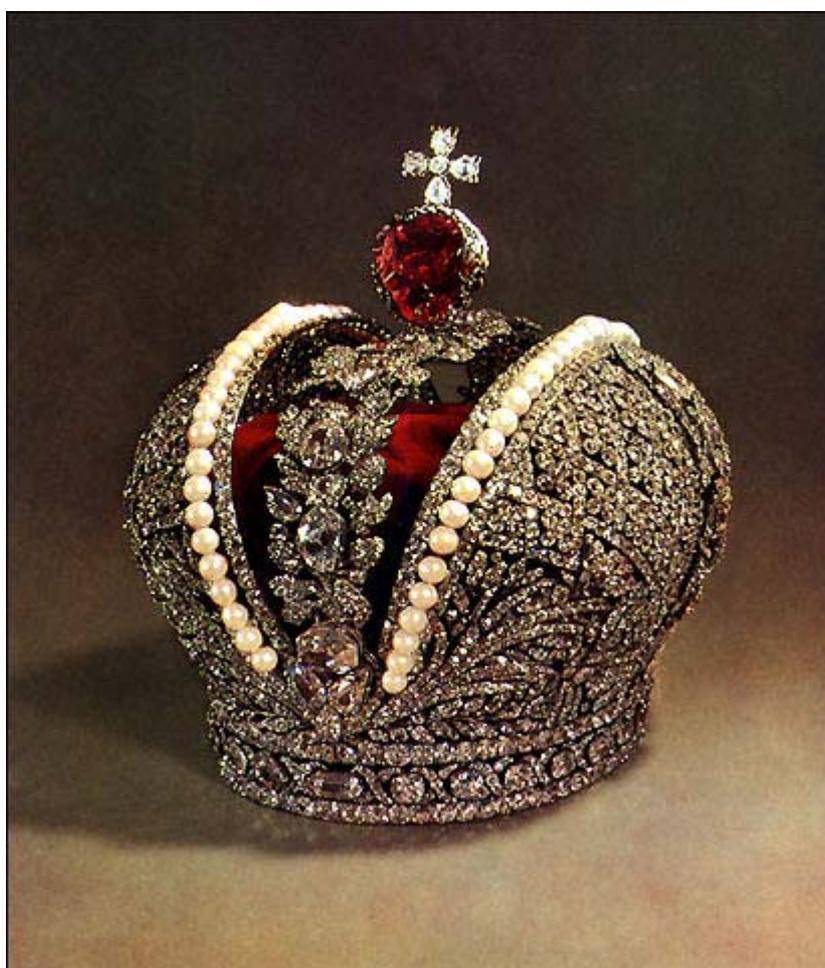
Прошло не так уж много времени, и мечта стала явью. 8 июля 1762 года, то есть на десятый день после расправы с мужем и переворота, появился указ за ее подписью, которым камергеру Ивану Бецкому отпускатось 50 тысяч рублей на расходы по коронации, включая оплату ювелирам.

Первый эскиз короны поручили придворному ювелиру Иеремии Позье (1716-1779), выходцу из Швейцарии, но французу по происхождению (в России его величали Еремеем Петровичем). Но главный ювелир при дворе Георг-Фридрих Экарт забраковал замысел Позье. Получив из казны золото, он сам изготовил ажурный каркас короны, израсходовав килограмм драгоценного металла. Украсил же корону камнями Позье. Экарт все-таки понял - такая роль по плечу лишь Позье.

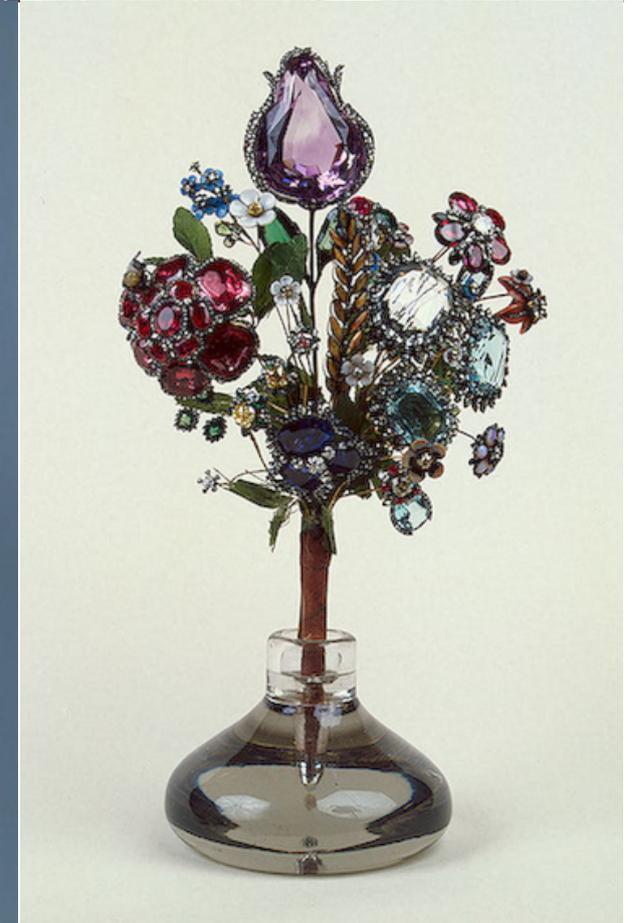
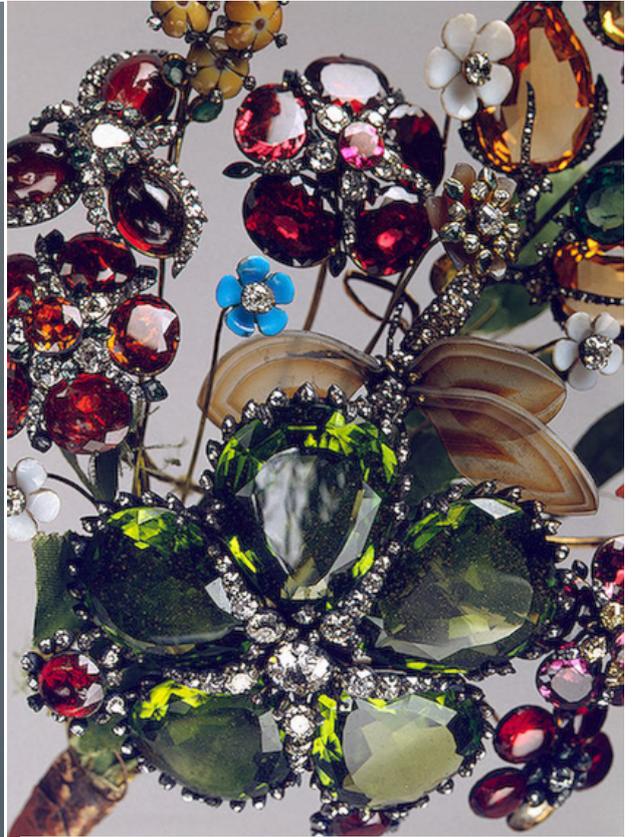
В дело пошли камни казенных ювелирных изделий. "Я выбрал между вещами все самые большие камни, не годящиеся на модную отделку, отчасти бриллиантовые, отчасти цветные. Несмотря на все предосторожности, принятые мною, чтобы сделать корону легкою и употребить только самые необходимые материалы, чтобы удержать в ней камни, в ней оказалось пять фунтов весу", - вспоминал Позье в своих "Записках". Задача оказалась далеко непростой - ведь в касты (гнезда) короны надо было уложить 4936

бриллиантов, 75 жемчужин и знаменитый *лал* из короны Елизаветы Петровны (тот самый, что в XVII веке в Китае приобрел для царя Николай Спафарий).

Ювелирное чудо было создано всего за два месяца. Оценили корону в два миллиона рублей, сумму по тем временам просто фантастическую. На редкость изящная форма, удачно найденные пропорции короны - это все заслуга Экарта. Позье же показал себя в подборе бриллиантов и самоцветов, в очень удачном их сочетании; ювелир выявил красоту камней, использовал их игру; очень умело использовал жемчуг, его завораживающее мерцание; удачно нашел переходы от одного цвета к другому.

Величественный рисунок короны не только прекрасен, но и наполнен глубоким смыслом. Снизу сетку полушарий охватывают лавровые ветви — символ власти и славы, а в рисунке гирлянды между полушариями помещены дубовые листья и жёлуди, что символизирует крепость и прочность власти.

Букеты цветов из драгоценных и поделочных камней в золотых и серебряных оправках, 1740-е гг.

Золото, серебро, бриллианты, драгоценные и поделочные камни, стекло, ткань; полировка

Табакерка прямоугольная с волнистыми стенками, 1740-е гг.
2.6x7.4x5.5 см; золото, серебро, бриллианты, сапфиры, кварц, чеканка, полировка, пунцирование

Табакерка с вензелем императрицы Елизаветы Петровны, ок. 1750 г.
2.1x7.1x5.7 см; золото, серебро, бриллианты; чеканка, полировка, пунцирование

Мушечница, середина XIX в.

Золото, серебро, бриллианты, эмаль; чеканка, гравировка, роспись. 2.2х4.3 см